

Прощаніе съ корпораціей Тобольской духовной семинаріи о. ректора, архимандрита Николая.

30 іюля о. ректоръ семинаріи архимандритъ Николай (Богоявленскій), опредѣленный Св. Синодомъ, согласно прошенію, въ число братіи Валаамскаго монастыря, прощался съ корпораціей семинаріи.

Въ часъ дня въ покои о. ректора въ Знаменскомъ монастырѣ собрались—г. вр. исп. об. инспектора семинаріи, преподаватель Н. А. Чернолѣвскій, секретарь Правленія семинаріи, преподаватель В. А. Головчинскій, преподаватель К. Н. Сплendorовъ, духовникъ семинаріи, священникъ о. С. С. Виноградовъ, учитель образцовой при семинаріи школы и надзиратель епархіальнаго общежитія Н. К. Головинъ и экономъ семинаріи, священникъ Ѳ. Т. Филипповъ.

Первымъ обратился къ о. ректору съ рѣчью преподаватель В. А. Головчинскій, сказавшій слѣдующее:

„Ваше Высокопреподобіе, досточтимый, гуманный и любвеобильный о. ректоръ!

Простите насъ за то, что мы явились къ вамъ сегодня безъ вашего согласія.

Единственно, что привело насъ сюда,—это желаніе высказать вамъ чувства своего глубокаго сожалѣнія по поводу вашего ухода изъ семинаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства сердечной и искренней благодарности за все то доброе, что мы видѣли отъ васъ въ теченіе нашей совмѣстной службы съ вами.

Истекающій учебный годъ для Тобольской духовной семинаріи былъ очень тяжелымъ. Одинъ за другимъ ушелъ изъ семинаріи рядъ преподавателей, любящихъ, преданныхъ своему дѣлу; ушелъ инспекторъ семинаріи, Димитрій Михайловичъ, своей энергичной работой поставившій въ семинаріи на должную высоту дисциплину и приведшій жизнь семинаріи въ правильное русло,—наконецъ, въ заключеніе уходите отъ насъ и вы, о. ректоръ, нашъ добрый начальникъ и руководитель.

Въ эти минуты нашего прощанія съ вами, нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ непріятностей и огорченій, какія выпадали на вашу долю и, къ стыду своему, сознаться, что виновниками этихъ непріятностей и огорченій часто являлись мы сами.

Просимъ простить насъ за это и покрыть наши немощи своею любовію.

Въ знакъ же молитвенной памяти просимъ приять отъ насъ нашъ скромный даръ — даръ чистаго сердца — образъ вашего Ангела, святителя и чудотворца Николая.

Пусть онъ хранить васъ на всѣхъ путяхъ жизни вашей.

Мы же питаемъ надежду, что ваши молодыя силы найдутъ еще примѣненіе, и что Промыслъ Божій, въ скоромъ времени, снова призоветъ васъ на служеніе св. церкви въ высшемъ санѣ — святительскомъ.

Отъ души желаемъ вамъ этого.

А, въ заключеніе, еще разъ просимъ простить насъ за причиненныя нами обиды и огорченія и съ миромъ стойти отъ насъ“.

По окончаніи рѣчи, духовникъ семинаріи, священникъ С. С. Виноградовъ поднесъ о. ректору образъ святителя Николая чудотворца.

Затѣмъ выступилъ съ рѣчью преподаватель семинаріи Н. А. Чернопѣсскій:

Высокочтимый о. ректоръ!

Позвольте, передъ скорой разлукой съ вами, сдѣлать небольшую экскурсію въ область прошлаго, привести на память вашу многотрудную и плодотворную дѣятельность на пользу Тобольской семинаріи и выразить вамъ отъ лица корпораціи искреннія чувства признательности и благодарности. Пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы прибыли въ тихій г. Тобольскъ въ качествѣ ректора семинаріи. Это было въ 1905 году, въ годину лихолѣтія на Руси, когда революціонное море бурно уже волновалось по городамъ родины и волны грознаго стихійнаго движенія, готовые разрушить вездѣ вѣковыя устои и традиціи, докатились до духовной школы и породили знаменитую въ лѣтописяхъ ея семинарскую революцію. Молодежь заволновалась, требуя себѣ отъ начальства всевозможныхъ льготъ и свободъ. У насъ, въ Тобольской семинаріи, если мнѣ не измѣняетъ память, на одномъ учебномъ году было двѣ забастовки. Трудно теперь и представить, какъ тяжело тогда было положеніе начальниковъ и воспитателей духовно-учебныхъ заведеній, особенно тѣхъ, кои, подобно вамъ, болѣли душой за церковь и отечество. Сколько требовалось отъ васъ въ то время, какъ руководителя духовнаго юношества, педагогическаго такта, нравственнаго мужества и кротости, христіанскаго снисхожденія и любви, чтобы однихъ юношей успокоить и возвратить школь и церкви, другихъ мирно удалить изъ стѣнъ заведенія и оказать имъ содѣйствіе и возможность найти приложеніе своимъ силамъ на иныхъ попри-

цахъ жизни? Тяжесть вашего тогдашняго положенія усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вы на первыхъ порахъ своей дѣятельности въ семинаріи встрѣтили со стороны корпораціи холодный и недружелюбный пріемъ. И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго и загадочнаго: Тобольская семинарія давно не видѣла въ своихъ стѣнахъ монаха-ректора и здѣсь и среди отчасти корпораціи и среди учащихся составилось убѣжденіе, что монахи-начальники—черствые и суровые формалисты. Но вы пережили времена своихъ служебныхъ невзгодъ съ рѣдкимъ мужествомъ, покорностью волѣ Божіей, христіанскимъ смиреніемъ и кротостью и въ слѣдствіи старались какъ бы забыть прежнія свои недоразумѣнія съ корпораціей и не пользовались служебными правами съ цѣлью дать возмездіе своимъ обидчикамъ. А мы,—вами сослуживцы, когда жизнь въ семинаріи вошла въ обычное русло, раздѣляя ваши труды и заботы по воспитанію юношества, ежедневно убѣждались въ ложности своихъ скороспѣлыхъ сужденій о васъ, какъ человѣкъ недоступномъ, черствомъ и суровомъ и многіе изъ насъ горько раскаивались въ прежнемъ недружелюбіи къ вамъ. Тобольская семинарія, какъ показало время, пріобрѣла въ вашемъ лицѣ достойнаго, гуманнаго и просвѣщеннаго, любвеобильнаго отца-ректора, прекраснаго и рѣдкаго по своимъ душевнымъ качествамъ и аскетической настроенности человѣка. Всякій членъ корпораціи—старшій и младшій преподаватель встрѣчалъ у васъ всегда и при всякихъ обстоятельствахъ ласковый пріемъ и получалъ добрый совѣтъ, а въ трудныя минуты жизни слово ободренія, вливавшее въ сердце вашего сослуживца мужество и помогавшее ему спокойно пережить лихолѣтіе въ своей жизни. Если далѣе, кто изъ корпораціи, по волѣ Промысла, оставлялъ патриархальный и тихій нашъ городъ, вы во главѣ съ преподавателями старались съ честью, миромъ и добрыми пожеланіями проводить уѣзжающаго. Еще ярче ваши высокія душевныя качества—отеческая любовь и снисхожденіе, кротость и смиреніе—обнаруживались въ вашихъ отношеніяхъ къ ученикамъ, которыхъ вы воспитывали въ духѣ сыновней преданности Православной вѣрѣ, царю и родинѣ. Вы были для нашихъ питомцевъ положительно добрымъ геніемъ. У васъ бѣдняки-воспитанники всегда получали помощь совѣтомъ, деньгами, одеждой, книгами и пр., семинарскіе грѣшники—защиту и снисхожденіе. И наша духовная молодежь, отзывчивая на все доброе и прекрасное, за вашу отеческую любовь къ нимъ, неусыпная забота о достоинствѣ, благоустройствѣ заведенія, полюбила васъ искрен-

не и горячо и если бы воспитанники находились въ настоящія минуты здѣсь, среди нихъ нашлись бы лица, которыя сумѣли бы отъ лица товарищей выразить вамъ горячія чувства любви и благодарности. вмѣстѣ съ добротой и чистотой сердца въ отношеніяхъ къ намъ и воспитанникамъ вы отличались недюжинными хозяйственными способностями и крайней бережливостью въ расходованіи казенныхъ средствъ. Заботы о здоровой и гигиеничной обстановкѣ для питомцевъ побудили васъ энергично ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о постройкѣ новыхъ зданій семинаріи и перенесеніи ихъ въ здоровую и сухую часть города. И если дѣло о новой семинаріи остановилось на точкѣ замерзанія, это случилось по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ. Стараясь привести въ благоустроенный видъ существующія семинарскія зданія и создать здѣсь приличныя и здоровыя условія для жизни учениковъ, вы лично слѣдили за всевозможными ремонтами по семинаріи, входили во всѣ мелочи семинарскаго хозяйства, вводили разныя улучшенія по хозяйственной части и съ мудрой осторожностью расходовали казенныя и епархіальныя деньги. Благодаря такой вашей бережливости казеннаго добра и хозяйственности, дефицитъ по семинаріи, накопившійся въ теченіе многихъ лѣтъ до вашего вступленія въ должность ректора, почти весь уже покрытъ. Мы, здѣсь собравшіеся, припоминая вашу многотрудную и плодотворную дѣятельность на пользу дорогой семинаріи и преклоняясь передъ вашими высокими нравственными качествами, еще просимъ васъ отъ лица всей корпораціи принять наше скромное подношеніе, желаемъ, дабы образъ святителя—правила вѣры, образца кротости, учителя воздержанія, помощника въ бѣдахъ и скорбяхъ были впредь путеводной звѣздой въ вашей жизни и дѣятельности, гдѣ бы вы ни были и какое-бы положеніе ни занимали, и умоляемъ васъ простить намъ всѣ обиды и огорченія, вольно и невольно причиненныя вамъ“. —Голосъ Н. А.—ча во время рѣчи, часто прерывался и слезы мѣшали говорить. Не удержались отъ слезъ и о. ректоръ, а равно и всѣ присутствовавшіе.

Послѣднимъ говорилъ о. духовникъ семинаріи, священникъ С. С. Виноградовъ, сказавшій слѣдующее:

„Ваше Высокопреподобіе,
досточтимый о. ректоръ.

Немного лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы, полный силъ и благихъ намѣреній, прибыли сюда на должность ректора Тобольской духов-

ной семинаріи, но тяжелый, отвѣтственный трудъ начальника заведенія наложилъ на васъ печать глубокаго нравственнаго утомленія и заставилъ васъ искать отдыха себѣ въ тихой жизни далекой обители. Это и неудивительно, если вспомнить тѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ пришлось начать вамъ, о. ректоръ, здѣсь свое служеніе. Потрясающая волна освободительнаго движенія увлекла за собою многихъ людей и разныхъ возрастовъ, а особенно учащуюся молодежь. Не устояли противъ освободительныхъ идей и воспитатели нашей семинаріи и свое сочувствіе къ нимъ они выразили въ формахъ, причинившихъ вамъ глубокое нравственное потрясеніе, много незримыхъ слезъ и горя. Тяжелое то было время даже для посторонняго наблюдателя, тѣмъ болѣе для васъ, о. ректоръ, какъ отвѣтственнаго лица за благосостояніе ввѣреннаго вамъ заведенія. Наступившіе потомъ дни успокоенія въ семинаріи могли казаться только таковыми и все время держали васъ въ напряженномъ состояніи, которое надломило ваши нравственныя и физическія силы. Но ваше 5-ти лѣтнее служеніе здѣсь не прошло безслѣдно для семинаріи. Я не буду касаться оцѣнки вашего многосложнаго труда на пользу родной мнѣ семинаріи: объ этомъ лучше и больше меня сказали тѣ, кто были ближайшими сотрудниками вашими въ дѣлѣ управленія семинаріей. Для меня вы оставили по себѣ навсегда память, какъ о человѣкѣ — труженикѣ, глубоко вѣрующемъ, смиренномъ, въ высшей степени гуманномъ и нестяжательномъ и добромъ воспитателѣ юношества. „Аще и многи пѣстуны имать о Христѣ, но не многи отцы“ (1 Кор. 4, 15). Великую истину, изреченную св. апостоломъ въ этихъ словахъ, вы, о. ректоръ, восприняли всею душою, во всей глубинѣ, полнотѣ и широтѣ жизненнаго значенія и примѣненія этой истины. Вы были первый и самый ревностный труженикъ, дѣла своего служенія не умѣли дѣлить на болѣе важныя и менѣе важныя, но въ каждое дѣло вносили свѣжую, здравую мысль, влагали въ него всю свою душу. Будучи человѣкомъ высокаго ума и многосторонняго образованія, но въ то-же время необыкновенно добрымъ, кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ, вы съ рѣдкимъ самоотверженіемъ отдавались всецѣло служенію духовной школѣ, ничѣмъ такъ не дорожили, какъ ея дѣйствительными успѣхами и благоустроенностью, а главнымъ образомъ добрымъ воспитаніемъ обучающихся въ ней юношей. Вашимъ словомъ вразумленія и назиданія сопровождались почти каждый болѣе или менѣе выдающійся случай или выдающееся событіе въ жизни семинаріи или отдѣль-

наго воспитанника ея. Особенно глубокое чувство въ сердцахъ слушателей производили ваши нерѣдкія задушевныя бесѣды съ воспитанниками во время утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, гдѣ вы являлись не какъ начальникъ, но какъ любящій отецъ среди многочисленнаго семейства, имѣющаго въ составѣ своемъ нравственно больныхъ членовъ, нуждающихся то въ добромъ совѣтѣ, то въ осторожномъ уходѣ и леченіи. Имѣя глубокую вѣру въ Бога, вы прежде всего старались укрѣпить эту вѣру и въ воспитанникахъ своихъ, часто назидали ихъ словомъ Божиимъ и привлекали къ молитвѣ Творцу Небесному. Памятникомъ этихъ заботъ вашихъ остался въ семинарскомъ храмѣ образъ Небеснаго Покровителя сего заведенія, Св. Дмитрія Ростовскаго, съ драгоцѣнною святынею — частицею св. мощей его, пріобрѣтенною исключительно вашими заботами и трудами.

Но что всего важнѣе, такъ это то, что ваши слова, какъ воспитателя, никогда не расходились съ вашими дѣлами и вашимъ житіемъ, которыя всегда служили и будутъ служить высокимъ примѣромъ для подражанія не только воспитанникамъ, но и окружающимъ ихъ воспитателямъ. Этимъ именно, а не инымъ чѣмъ, я склоненъ объяснять ту рѣзкую перемѣну во взглядахъ и направленіи воспитанниковъ семинаріи, которая произошла въ нихъ за послѣдніе годы. Въ первый годъ моего служенія здѣсь я былъ крайне пораженъ тѣмъ религіозно-нравственнымъ индеферентизмомъ, граничащимъ съ полнымъ невѣріемъ, который царилъ въ убѣжденіяхъ и поступкахъ воспитанниковъ духовно-учебнаго заведенія. Теперь-же, благодаря вамъ, о. ректоръ, этотъ существенный пробѣлъ въ направленіи воспитанія юношества почти сталъ незамѣтенъ. Своимъ добрымъ, снисходительнымъ и гуманнымъ обращеніемъ съ людьми и высоко-нравственнымъ образомъ жизни вы заслужили себѣ всеобщее глубокое уваженіе, а особенно со стороны воспитанниковъ, которые за послѣднее время стали стѣсняться, не страха ради, а за совѣсть дѣлать предосудительныя поступки, чтобы ими какъ нибудь не огорчить своего добраго и гуманнаго начальника. Они оцѣнили и полюбили васъ, о. ректоръ, какъ отца-молитвенника, готоваго просить у Бога прощенія даже за заблудшихъ и безвременно погибшихъ чадъ своихъ.

За эту любовь къ вамъ воспитанниковъ воздайте имъ христіанскою любовью: забудьте, простите о. ректоръ, всѣ причиненныя ими вамъ вольныя и невольныя обиды, слезы и огорченія и помяните ихъ вмѣстѣ съ нами, недостойными сотрудниками вашими, въ своихъ святыхъ молитвахъ

предъ Богомъ: да изведетъ Онъ, Всемогущій, изъ сего разсадника духовнаго просвѣщенія людей, глубоко вѣрующихъ и право правящихъ слово истины на нивѣ Христовой.

Простите же всѣхъ насъ и благословите, о. ректоръ. Мы же съ своей стороны миромъ и добрыми пожеланіями напутствуемъ исходъ вашъ отсюда и будемъ молить Господа Бога, чтобы Онъ даровалъ вамъ скорое возстановленіе здоровья и сподобилъ послужить на пользу церкви Христовой многія и многія лѣта.

Выслушавъ, обращенныя къ нему рѣчи, о. ректоръ, едва сдерживаясь отъ слезъ, волнуясь и нервно вздрагивая, обратился къ корпораціи съ теплымъ прочувствованнымъ словомъ.

Въ немъ онъ благодарилъ корпорацію за драгоцѣнный для него даръ—образъ святителя Христова, указывалъ на то, что уходитъ онъ изъ семинаріи добровольно, чувствуя тяжесть лежащаго на немъ труднаго и отвѣтственнаго служенія, при чемъ нарисовалъ тяжелую картину своей заброшенности и одиночества, выпавшихъ на его долю, чуть ли не съ колыбели. Слезы мѣшали о. ректору говорить.

Въ заключеніе своей рѣчи онъ, о. ректоръ, съ своей стороны, просилъ у корпораціи прощенія и просилъ передать отсутствующимъ членамъ семинарской семьи, что онъ уѣзжаетъ, унося съ собою о всѣхъ самыя хорошія воспоминанія.

Послѣ поднесенія иконы, о. ректору въ квартирѣ эконома былъ предложенъ чай и фрукты—и о. ректоръ нѣсколько времени провелъ въ дружеской бесѣдѣ съ членами корпораціи.

Добрый путь, добрый нашъ отецъ и начальникъ!
